

АГО КЮННАП (Тарту)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В СЕВЕРНОСАМОДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Цель настоящей статьи — анализ некоторых проблем, связанных с показателями множественного числа исторической именной сферы в северносамодийских языках (см. Кюннап 1973а; Кюннап 1973б).

Показателем мн. ч. абсолютного склонения северносамодийских языков является в номинативе неназализирующийся гортанный смычный; такой же гортанный смычный выступает в лативе, локативе и аблативе ненецкого языка, причем в аблативе мы находим здесь лишь его след в форме оглушения падежного окончания аблатива (-*t*), а в аблативе энецкого языка такое оглушение служит единственным показателем мн. ч. (-*to*, -*t*). В функции личного глагольного суффикса 3-го л. этот гортанный смычный выступает перед показателем претеритума -*ś* и т. д. в ненецком языке в форме -*t̥*, что свидетельствует лишь о неназализирующемся характере рассматриваемого гортанного смычного, так как гортанный смычный такого характера принимает перед непосредственно следующими за ним согласными гоморганную с ними форму, напр., '+ *ś* > *tś*, '+ *p* > *pp*, '+ *k* > *kk* и т. д. (см. особенно Hajdú 1958:249, 265). В той же позиции находим в энецком языке лишь след рассматриваемого гортанного смычного в форме оглушения начального согласного показателя претеритума -*si* и т. д.

В лативе, локативе и аблативе посессивного склонения северносамодийских языков мы находим оглушение начальных согласных посессивных суффиксов 2-го и 3-го л. (*t*), в ненецком локативе выступает и -*'*, а в ненецком и энецком аблативе обнаруживаем и оглушение начального согласного падежного окончания аблатива (*t*). Можно предположить, что здесь оглушение начальных согласных посессивных суффиксов в лативе (падежное окончание отсутствует) и оглушение начального согласного падежного окончания в аблативе вызваны ранее предшествовавшим им неназализирующимся гортанным смычным, который в местных падежах абсолютного склонения стоял, а в ненецком стоит частично и сейчас между коаффиксом падежных окончаний и самими окончаниями. Но оглушение начальных согласных посессивных суффиксов в локативе и аблативе посессивного склонения может быть по происхождению лишь аналогичным, так как в этих падежных формах посессивные суффиксы следуют за падежными окончаниями. Источниками аналогии могли быть формы как латива, так и генитива посессивного

склонения, ср., напр., нен. (К) *lambada* 'его лыжа' (*lamba* 'Schneeschuh'): мн. ч. ген. *lambita* (< *-'|da): лат. *lambaχata* (< *-'|da): лок. *lambaχanata* (< *-'|na-): абл. *lambaχatata* (< *-'|da-), ср. и (Т) лок. *ninekāχa*'|nānda 'у его братьев'. Ведь на конце генитива мн. ч. посессивного склонения стоял первоначально также неназализирующийся гортанный смычный, вызвавший оглушение начальных согласных посессивных суффиксов 2-го и 3-го л. в ненецком и энецком языках (t) и претпствовавший смягчению начальных согласных посессивных суффиксов всех трех лиц в нганасанском, напр., (К) нен. *lambita* (< *-'|da); нган. *ñetāde* 'его котел': мн. ч. ном.-акк. *ñetaiti* (< *-'|ti): ген. *ñetaiti* (< *-'i'|ti).

Явно выступает такой неназализирующийся гортанный смычный на конце форм генитива в абсолютном склонении северносамодийских языков, но он сочетается часто как здесь, так и в генитиве посессивного склонения с повышением гласных основы нижего подъема, а в абсолютном склонении нганасанского языка ему может предшествовать и показатель -i-. Такая же комбинация гортанного смычного и повышения предшествующего ему гласного коаффикса падежных окончаний (точнее, перехода гласного в i) встречается в местных падежах как абсолютного, так и посессивного склонения в энецком и нганасанском языках. Напр., (К) нен. *ñuda* 'Hand': мн. ч. ген. *ñudi* (< *ñuda|i'), *lambada* 'его лыжа': мн. ч. ген. *lambita* (< *lamba|i'|da); эн. *lata* 'Brett': мн. ч. абл. *lataχito* (? < *lataχa|i'|do); нган. *ñetāde* 'его котел': мн. ч. лат. *ñetātiti* (? < *ñetāta|i'|ti).

Повышение гласных основы служит единственным показателем мн. ч. в аккумуляте абсолютного склонения в ненецком и в номинативе-аккумуляте посессивного склонения во всех северносамодийских языках; им оно является часто и в специальных формах глагола во всех северносамодийских языках, но чередуется в них с действительным числовым показателем нен. -ja- и т. д., эн. -j-, нган. -j-, -i- (единственным следом которого в нганасанском может быть и смягчение начальных согласных личных глагольных суффиксов); в аккумуляте нганасанского языка на мн. ч. указывает -j. Напр., (К) нен. *ñuda* 'Hand': мн. ч. акк. *ñudi* (< *ñuda|i), мн. ч. ном.-акк. *lambida* (< *lamba|i'|da); нган. *mata'atu* 'он режет одно': *mata'itu* (< *mata'a|i'tu) 'он режет многие', (М) *feniñiti* 'он знает одно': *feniñiti* (< *feniñti|i'ti) 'он знает многих', (П) *leñje* 'орел': мн. ч. акк. *lemej*.

В последнем случае мы имеем дело с наиболее ясным с исторической точки зрения случаем образования мн. ч. в исторической именной сфере северносамодийских языков. При помощи такого показателя *-j и только его были когда-то образованы формы аккумулята мн. ч. во всех этих языках (о ненецком см. особенно Joki 1956:21—23). Этот способ образования форм аккумулята мн. ч. северносамодийские языки и сохранили с незначительными отклонениями (к таким относится, в первую очередь, комбинация показателя мн. ч. *-j со следующим за ним показателем мн. ч. -' в энецком, образовавшаяся, вероятно, по примеру генитива мн. ч.). При помощи показателя *-j(V) и только его образованы и формы номинатива-аккумулята мн. ч. посессивного склонения, а также специальные формы глагола, указывающие на мн. ч. прямого дополнения (вернее, на множественность действий самого глагола). Это обстоятельство указывает, по всей вероятности, на то, что формы на *-j(V) были древними основами мн. ч. исторической именной сферы северносамодийских языков: формы с посессивными суффиксами — очень древние и строились при мн. ч. обладаемого на очень древних основах мн. ч.

При таких обстоятельствах трудно понять отсутствие показателя мн. ч. $*-j(V)$ в номинативе абсолютного склонения в северносамодийских языках. Но следует иметь в виду, что аккузатив мн. ч. абсолютного склонения на $*-j(V)$ на самом деле — дефективный аккузатив: у него нет падежного окончания. Будет правильнее называть его номинативом-аккузативом (ведь мы говорим о номинативе и аккузативе или номинативе-аккузативе мн. ч. посессивного склонения на $*-j(V)$, где тоже нет падежного окончания) и считать, что мы имеем дело с основным падежом мн. ч. или множественной основой имен, образованной при помощи числового показателя $*-j(V)$ и выступающей в функции прямого дополнения. Но почему эта форма никогда не выступает в функции подлежащего? До сих пор не существует лучшего объяснения этого обстоятельства, чем предположение Равила о том, что подлежащее выступало в уральских языках и в комбинации с множественным сказуемым первоначально лишь в форме ед. ч., представляя собой что-то вроде определения сказуемого (сказуемое было тогда еще, с нынешней точки зрения, именем); когда между подлежащим и сказуемым (в те времена, вернее, между определением и его именным определяемым) возникло согласование в числе, t -овый показатель мн. ч. множественного сказуемого был обобщен при 3-м л. в подлежащее (Ravila 1941). Против предположения Равила приводилось немало обоснованных доводов, но лучшего решения проблемы найти не удалось (см., напр., Nakulinen 1968:82; Hajdú 1966:67) и мы можем принять это предположение, по меньшей мере, за рабочую гипотезу.

Но и в случае такого объяснения остается нерешенной другая проблема: почему на конце форм 3-го лица множественного сказуемого в уральских языках не выступал общий показатель мн. ч. исторической именной сферы — в северносамодийских языках $*-j(V)$ —, а использовался другой показатель мн. ч. — в северносамодийских языках неназализирующийся гортанный смычный, который возводится, вероятно, к $*-t(V)$ —, хотя сказуемое первоначально тоже было именем? Лишь с большой осторожностью и в качестве рабочей гипотезы мы можем выдвинуть предположение, которое здесь напрашивается: показатель мн. ч. $*-t(V)$ в рассматриваемой глагольной форме, ставший, по мнению Равила, позже и показателем мн. ч. номинатива абсолютного склонения (в функции подлежащего), был первоначально числовым показателем не именной сферы, а местоименной. Позже его обобщили из местоименной сферы в именную, в которой он стал показателем мн. ч. формы 3-го л. сказуемого. Источником аналогии могли в таком случае послужить формы 1-го и 2-го л. сказуемого, на конце которых, по крайней мере в самодийских языках, стоит показатель мн. ч. $*-t(V)$ (как показатель мн. ч. соответствующих личных глагольных суффиксов местоименного происхождения). Иначе говоря: мыслимо, что, напр., при глагольных формах субъектного спряжения ненецкого языка (К) *madāwa* 'мы режем': *madāda* 'вы режете': *madā* 'они режут' показатель мн. ч. третьей формы -' (выполняет одновременно и функцию личного глагольного суффикса) стали употреблять по примеру показателя мн. ч. первой и второй форм -' (который является в них показателем мн. ч. соответствующих личных глагольных суффиксов *-wa*' и *-da*').

Проблематичен и генитив мн. ч. абсолютного склонения в северносамодийских языках, образованный при помощи частого повышения гласных основы нижнего подъема и последующего неназализирующего гортанного смычного. Таким же способом явно образован и генитив мн. ч. посессивного склонения в северносамодийских языках. Укажем, что такая же комбинация частого повышения гласных основы нижнего

подъема и последующего неназализирующегося гортанного смычного выражает мн. ч. и в лативе, локативе и аблативе абсолютного и посессивного склонения в энецком и посессивного склонения в нганасанском (в абсолютном склонении нганасанского языка выступление второго компонента такой комбинации может быть затемнено: гортанный смычный мог слиться с начальными согласными падежных окончаний). В тех же падежных формах ненецкого языка мы находим как в абсолютном, так и в посессивном склонении только показатель мн. ч. (*-)'-. Такие различия между способами образования форм мн. ч. местных падежей отдельных северносамодийских языков объясняется, конечно, тем, что полная парадигма склонения во мн. ч. — сравнительно новое явление и могло развиваться в отдельных северносамодийских языках в отдельности.

В связи с упомянутой комбинацией двух показателей мн. ч. *-j(V) + (*-)' в северносамодийских языках небезынтересно отметить, что она выступала в форме -je' ранее и в номинативе абсолютного склонения в камасинском, а позже это -je' обобщили, видимо, и в косвенные падежи, показателем мн. ч. которых был ранее -je-. Следует все же иметь в виду, что начальный компонент -je- названного показателя -je' может быть в номинативе получен по аналогии. (См. подробнее Кюннар 1971:31—33, 48—52). Комбинацию показателей мн. ч. *-j(V) + *-t(V) мы видим и в генитиве прибалтийско-финских языков, где за ней следует (или следовало) падежное окончание генитива -n, напр., фин. *maiden*, южноэст. *maije* 'земель' (< **maiden*). В саамском выступает на конце генитива мн. ч. лишь числовой показатель *-j(V), напр., *oabbai* 'сестер' (*oabbai* 'сестра'); Эрки Итконен убедительно доказал, что падежное окончание генитива здесь никогда не употреблялось (Itkonen 1939:352). Мы считаем, что на конце генитива мн. ч. в северносамодийских языках выступает комбинация показателей мн. ч. *-j(V) + *-t(V). Предположение Лабади, что гортанный смычный на конце генитива здесь возводится к прауральскому падежному окончанию латива *-k (Labádi 1969: 25—29), ничем не подтверждается (см. и замечания Хайду там же: 27, 29; кроме того, мы считаем, что никакого прауральского падежного окончания *-k никогда и не существовало, см. подробнее Кюннар 1971: 125—131).

Что вызвало употребление комбинации показателей мн. ч. *-j(V) + *-t(V) в северносамодийских, а также в прибалтийско-финских языках? Здесь можно, конечно, предположить наличие нескольких источников аналогии. Но при северносамодийских языках следует, в первую очередь, подчеркнуть, что в этих языках действительных падежей номинатив, генитив и аккузатив вообще не существует, а вместо них выступают три различные формы основного падежа или именной основы мн. ч., у которых отсутствуют падежные окончания и которые выполняют в предложении три синтаксические функции: 1) первичная форма с показателем мн. ч. *-j(V) для прямого дополнения [аккузатив], 2) более поздняя — с точки зрения Равила — форма с показателем мн. ч. *-t(V) для подлежащего [номинатив], 3) поздняя форма с комбинацией показателей мн. ч. *-j(V) + *-t(V) для определения [генитив]. Легко представить себе, что третья форма могла образоваться от первой по примеру второй, так как и вторая форма была первоначально определением, а именно — определением именного сказуемого. При генитиве мн. ч. прибалтийско-финских языков можно предположить приблизительно такой путь развития: **mai* > **mait(e)* > **maiden*. Самый древний тип генитива мн. ч. представляет саам. *oabbai* 'сестер', на конце которого стоит лишь *-j(V); северносамодийское (ненец-

кое) *ñiśi* (< **ičš[i]t*) 'отцов' представляет собой тип среднего возраста, в котором выступает и **-t(V)*; прибалт.-фин. (фин.) *maiden* 'земель' — самый поздний тип, на конце которого видим, кроме двойного показателя мн. ч., присоединенное по примеру генитива ед. ч. падежное окончание *-n*.

Суффикс терминов родства *-na-*

Кастрен писал, что некоторые имена в ненецком образуют неправильное мн. ч., напр., *nisea* 'Vater' : *nisenan* 'meine Väter', *niebea* 'Mutter' : *niebenan* 'meine Mütter', *tāti* 'Frau' : *tätinan* 'meine Frauen' (Castrén 1854:243). Марк сделал из этого вывод, что выступающий в этих именах суффикс *-na-* свойствен лишь терминам родства 'отец', 'мать', 'жена' и т. д., а сам суффикс он считал, по всей вероятности, диминутивным (Mark 1925:52—53). Н.-Шебештьен указывает, что формы такого типа имеются и в материалах Спрогиса: *ñiśä* 'Vater' : *ñiśänänä* 'meine Väter', *ñeb'ä* 'Mutter' : *ñeb'änänä* 'meine Mütter', *jerowo* 'Wirt' : *jerowonänä* 'meine Wirte'; она допускает, что *-nā-* являлся диминутивным суффиксом (N.-Sebestyén 1952:102). Сетяля приводит формы, сообщенные ему Лехтисало: *pārvānan* 'meine jüngeren Brüder (Pl.)' : *pārvāadv* 'seine jüngeren Brüder (Pl.)', *niš'eñadi* 'ñeb'eñadi' 'eure (Du.) Väter (Du.) und Mütter (Du.)', *ñižššennatš* 'eure (Du.) Väter (Du.)' : *ñižššennattv* 'eure (Pl.) Väter (Pl.)' (транскрипция Сетяля своеобразна и поэтому здесь сохранена); образующий эти формы суффикс Сетяля соединяет с коаффиксом *-n-* посессивных суффиксов (Setälä 1915:102—103, ср. и 25). На своих университетских лекциях Лехтисало привел форму *pārvānnan* 'meine jüngeren Brüder' (*pārvā* 'der jüngere Bruder') и высказал предположение, что *-nna-* в ней, возможно, — вариант обычного ненецкого показателя мн. ч. (Lehtisalo 1938). Хайду приводит выражение лесного диалекта *käekānas' ñiśeä* 'Männer, die untereinander Brüder sind' и рассматривает выступающий в нем суффикс *-na-* вслед за Терещенко как морфему, выражающую множественность названий родственников (Hajdú 1969:68). Терещенко (1956:46—47, 1965:881) указывает, что в посессивном склонении ненецкого языка множественное число ряда существительных, прежде всего терминов родства, образуется при помощи суффикса *-na-*, напр., *niśanana* 'наши отцы', который действительно обозначает известные группировки родственников, отражая, вероятно, ранее существовавшую систему родства у ненцев. Терещенко (1956:47) пишет: «По свидетельству самих ненцев, такая форма, как, например, *пыдар небянад* (или *небянад*) 'твой матери' употребляется в тех случаях, когда, кроме матери, в чуме есть еще сестры матери, мать матери или же сестры и мать отца, а форма, например, *пыдар нисянад* (или *нисянад*) 'твой отцы' — когда, кроме отца, имеются братья отца, его отец или же братья и отец матери.» Суффикс *-nna-* находим у Лехтисало и в предложении *pārvānnatv ajōn xab'iñäe nõda' päer!* '(fl.) haltet meine jüngeren Brüder nicht als Knechte!' (Lehtisalo 1956:348a). Во всех примерах имеем дело с ненецким суффиксом терминов родства *-na-*: (К) *-na-*; (Спрогис) *-nā-*; (Л) *-na-*, *-nna-*; (Т) *-na-*.

В отношении энецкого языка Терещенко (1966:444) указывает, что ряд существительных, обозначающих родственные отношения, образует формы номинатива, генитива и аккузатива мн. ч. посессивного склонения при помощи суффикса *-ni-* (или *-di-*), напр., *ēnina* (или *ēdina*) 'наши матери', *ēsēnina* 'наши отцы', *kađanina* 'наши бабушки'.

Мы видим, что во всех примерах ненецкие формы на *-na-* и энецкие на *-ni-* снабжены посессивными суффиксами (единственное исключение составляет нен. *käekānas'*, на конце которого стоит коннективно-реципроковый суффикс *-s-* + показатель мн. ч. *-'*, см. Hajdú 1969:68). Посессивный суффикс может в ненецком выступать здесь во всех трех числах, напр., (К) *nisenan* 'meine Väter' (ед. ч.), (Л) *ñęššennąts* 'eure (Du.) Väter (Du.)' (дв. ч.), (Т) *nišanana* 'наши отцы' (мн. ч.); энецкий материал дает нам лишь примеры с посессивным суффиксом I-го л. мн. ч. Суффиксы *-na-* и *-ni-* присоединяются непосредственно к основе ед. ч. Рассматриваемые суффиксы не выражают в действительности ту или иную грамматическую категорию числа (ед., дв. или мн. ч.), а являются по своему характеру собирательными суффиксами, при помощи которых обозначаются известные группировки родственников (все это отражается в ненецких примерах, но распространяется, по всей вероятности, и на энецкие примеры). Следует отметить, что при формах номинатива на *-na-* можно проследить выступление лишь таких посессивных суффиксов, которые употребляются только в номинативе дв. и мн. ч. и не употребляются в номинативе ед. ч. (см., напр., Künnap 1971: 169—170). В имеющихся у Терещенко формах местных падежей терминов родства на *-na-* выступает всегда показатель мн. ч. *-'* или явный его след, напр., *ñe ñu ñeb'anaxata, nišanaxata ñadaŋgobta tara* 'дочь должна помогать своим родителям' (досл. 'матерям-своим, отцам-своим') (лат.; < **-xa'da*), *ñeb'anaxa'nan tuku toxo' ni tara* 'моим матерям не нужна эта материя' (лок. 'у-матерей-моих'), *maña' irinaxatana, nišanaxatana xusuwej wingi manzajan(') toxoganawa* 'у наших дедов и отцов мы учимся всем тундровым работам' (абл. 'от-дедов-наших, от-отцов-наших'; < **-xa'dana'*) (см. также, напр., Терещенко 1965:880). Причем употребление как названных посессивных суффиксов, так и показателя мн. ч. *-'* не зависит от числа обладателя (= от числа посессивного суффикса; иначе у Терещенко 1956:46). Форма на *-na-* в качестве подлежащего комбинируется у Терещенко с множественным сказуемым: *pidar ñeb'anad jala' jamban(') ñad' manzajam(') perčeti'* 'твоя матери целый день занята работой в чуме' ('работу делают'). И в этом примере множественность сказуемого не зависит от числа обладателя. В отношении ненецкого языка Терещенко правильно резюмирует: «На множественность существительного указывает в приведенных и аналогичных примерах не только слог *na*, но и характер лично-притяжательных показателей и падежных формантов, встречающихся в таком виде только во множественном числе, а также личные глагольные формы, служащие для выражения сказуемого» (1956:47).

Возникает вопрос: как понимать переводы форм Лехтисало с указанием в скобках на дв. и мн. ч. обладаемого, напр., *ñęššennąts* 'eure (Du.) Väter (Du.)' : *ñęššennattv* 'eure (Pl.) Väter (Pl.)'. В этих примерах, конечно, не говорится соответственно о двух и более отдельных родственниках, а имеется в виду известная группировка родственников, причем подразумевается, естественно, что группировок столько же, сколько и их обладателей (если этому только не мешают — говоря обобщенно — родственные связи между самими обладателями). Бесспорно, что при одном обладателе имеется в виду только одна группировка, напр., *päppännan* 'meine jüngeren Brüder' = приблизительно 'младшее-братство-мое'. Поскольку в группировку входит несколько родственников, название ее стали употреблять наравне с фор-

мами мн. ч., причем показатель мн. ч. выступает все же лишь в формах местных падежей (-'). Фонетический облик энецкого суффикса *-ni-* наводит на мысль, что он может иметь слитное происхождение: **-na|i-* (второй компонент = показатель мн. ч.), т. е. что энецкие названия группировок родственников на **-na-* оформлены (и) в номинативе как основы мн. ч., напр., *ēnina'* 'наши матери' < (?) **ēnaina'*, ср., напр., *kasina'* 'наши товарищи' < **kasaina'*, в котором *-i-* возводится к северносамодийскому показателю мн. ч. **-j(V)*.

В связи с энецкой формой *ēdina'* 'наши матери' хочется высказать гипотетичное предположение, что в ней не выступает суффикс терминов родства *-di-*, а мы имеем здесь дело с формой дезидеративного (или предназначительного) склонения (см., напр., Күнпар 1973а: 214). Наряду с формой *ēnina'* 'наши матери' информатор мог предложить и форму *ēdina'* 'матери для нас'. Упрощенная транскрипция не позволяет нам узнать, не является ли действительным произношением *ēddina'*. Такое произношение убедило бы нас, что в этой форме выступает согласная основа, ср. (К) *ē'* 'Mutter' (: ген. *ea* : лок. *eggone*), и в таком случае *d* в начале показателя дезидеративного скл. *-di-* (< посесс. суфф. 3-го л. ед. ч. *-da-* + показатель мн. ч. *-i-*) был бы обоснован (см. также Терещенко 1966: 442, 444). Форма *ēdina'* выступает в наречии бай, как и согласная основа *ē'*. В отношении происхождения гортанного смычного на конце последней ср., напр., (К) нен. *niebea*, нган. *ñame*, сельк. *em*, *emə*, *emə*, *ewe*, *ämä*, *äwe* и т. д.

К оформлению терминов родства на *-na-* и *-ni-* по примеру парадигмы склонения мн. ч. укажем, что и ненецкие формы абсолютного склонения с собирательным суффиксом *-wej(-)* оформляются при помощи показателя мн. ч. *-'(-)*, напр., (Т) *ηe da l'oda wej xa' na p'edse datelto' towi'* 'с едущими на легковых нартах приехал и их председатель' (см. Терещенко 1956: 42—43).

Сокращения

К — записи М. А. Кастрена; Л — записи Т. Лехтисало; М — записи Т. Микола; П — записи Г. Прокофьева; Т — записи Н. Терещенко.

ЛИТЕРАТУРА

- Кюннар А. 1973а, Показатели числа имен существительных в северносамодийских языках. — СФУ IX 1973, стр. 207—216.
 — 1973б, Показатели числа финитных глагольных форм и некоторые проблемы двойственного числа в северносамодийских языках. — СФУ IX 1973, стр. 291—299.
 Терещенко Н. 1956, Материалы и исследования по языку ненцев, Москва—Ленинград.
 — 1965, Ненецко-русский словарь, Москва.
 — 1966, Энецкий язык. — Языки народов СССР III. Финно-угорские и самодийские языки, Москва, стр. 438—457.
 Castrén, M. A. 1854, Grammatik der samojedischen Sprachen, St. Petersburg.
 Hajdú, P. 1958, Noch einmal über den Stimmbandverschlusslaut im Jurakischen. — ALHung. VII 1958, стр. 243—272.
 — 1966, Bevezetés az uráli nyelvtudományba, Budapest.
 — 1969, A szamojéd konnektív-reciprok képző genetikai és areális-tipológiai összefüggései. — NyK LXXI 1969, стр. 61—78.
 Hakulinen, L. 1968, Suomen kielen rakenne ja kehitys, Helsinki.

- Itkonen, E. 1939, Der ostlappische Vokalismus vom qualitativen Standpunkt aus mit besonderer Berücksichtigung des Inari- und Skolltappischen, Helsinki (MSFOu LXXIX).
- Joki, A. J. 1956, Eine Untersuchung über das Objekt in den uralischen Sprachen. — FUFAnz. XXXII 1956, стр. 1—41.
- Kүннар, А. 1971, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe I. Numeruszeichen und Nominalflexion, Helsinki (MSFOu 147).
- Labádi, G. 1969, A nyenyec többes genitivusról. — Néprajz és Nyelvtudomány XIII 1969, стр. 25—29.
- Lehtisalo, T. 1938 — рукописные записи университетских лекций Т. Лехтисало 1938 г., сделанные А. И. Йоки.
- 1956, Juraksamojedisches Wörterbuch, Helsinki.
- Mark, J. 1925, Die Possessivsuffixe in den uralischen Sprachen I, Helsinki (MSFOu LIV).
- Mikola, T. 1967, Enzische Sprachmaterialien. — ALHung. XVII 1967, стр. 59—74.
- N.-Sebestyén, I. 1952, A Sprogis' Wörterverzeichnis und grammatikalische Aufzeichnungen aus der Kanin-Mundart des Jurak-Samojedischen. — ALHung. II 1952, стр. 97—188.
- Ravila, P. 1941, Über die Verwendung der Numeruszeichen in den uralischen Sprachen. — FUF XXVII 1941, стр. 1—136.
- Setälä, E. N. 1915, Zur frage nach der verwandtschaft der finnisch-ugrischen und samojedischen sprachen, Helsingfors.

AGO KUNNAP (Tartu)

ЕИИЕ ПРОБЛЕМЕ ДЕР ПЛУРАЛЗЕИЕН ИМ НОРДСАМОЖЕДИШЕН

Дер vorliegende Aufsatz setzt sich zum Ziel die Analyse einiger Probleme der Pluralzeichen im historischen nominalen Bereich des Nordsamojedischen.

Дер Plural wird hier mit Hilfe des nichtnasalierbaren Laryngalkulusils und der Erhöhung der niedrigen Stammvokale sowie mit Hilfe dieser beiden Mittel ausgedrückt.

Mit dem deutlichsten Fall der Pluralbildung haben wir es, vom historischen Standpunkt aus, bei dem Akkusativ zu tun: er wird mit Hilfe des Pluralzeichens *-j(V) und nur mit dessen Hilfe gebildet.

Eines der schwierigsten Probleme ist das Auftreten des doppelten Numeruszeichens *-j(V) + *-t(V) am Ende des Genitivs in der absoluten Deklination. Wir möchten jedoch eine hypothetische Lösung dieses Problems vorschlagen. Wenn man annimmt, wie Ravila es gemacht hat, daß das Pluralzeichen *-t(V) an das Subjekt nach dem Vorbild des Prädikats infolge der Entwicklung der Kongruenz im Numerus, anfangs eigentlich der Kongruenz zwischen dem Nomen und seinem Attribut, angeschlossen worden ist, kann man sich leicht vorstellen, daß dasselbe Pluralzeichen später nach dem Vorbild des Attributs *linnut* in der Konstruktion *linnut lentävät* — wenn man das schon klassisch gewordene finnische Beispiel von Ravila verwendet — auch auf das andere Attribut übertragen wurde. Auf diese Weise konnte sich das doppelte Zeichen *-j(V) + *-t(V) entwickeln. Im Ostseefinnischen schloß sich später an dieses Doppelzeichen nach dem Vorbild des Singularparadigmas die Genitivendung -n an; im Nordsamojedischen wurde diese Kasusendung in den Plural nicht übertragen, und hier gebraucht man auch jetzt das Attribut des Plurals, das man nur bedingt als Genitiv bezeichnen kann, weil es keine Genitivendung (*-n) hat.

Im folgenden betrachtet der Verfasser noch das nenzische Suffix der Verwandtschaftsnamen -na-, dessen Variante das ähnliche enzische Suffix -ni- (< *n*ai-*) sein könnte, wo -i- das Pluralzeichen ist. Die Suffixe -na- und -ni- drücken eigentlich keine grammatische Kategorie der Zahl (Singular, Dual oder Plural) aus, sondern sind ihrem Wesen nach Kollektivsuffixe, mit deren Hilfe bestimmte Verwandtschaftsgruppen bezeichnet werden.